

музей Словакии, базой которого станут этнографические коллекции, насчитывающие около 45 тысяч экспонатов, и богатый археологический материал. Среди этнографических экспонатов здесь находится около 20 тысяч предметов красочной народной керамики и много предметов крестьянского и городского быта словаков, отражающих этнографические особенности населения различных районов страны и характеризующих быт не только земледельцев, но и пастухов-скотоводов, дровосеков, сплавщиков леса, красильщиков и др. В больших залах многоэтажного здания музея развернута экспозиция, насыщенная ценнейшими памятниками народной культуры словаков. Этот музей — огромный источник превосходно документированного вещевого материала, из которого этнографы, историки, археологи и фольклористы еще долго будут черпать данные для своих исследований. В музее г. Мартина собрано национальное достояние огромной ценности, и остается только пожелать, чтобы работники музея шире и лучше его использовали, приступив к осуществлению проектов нового типа экспозиции. На базе этого музея может быть широко развернута научно-просветительная работа.

Должен быть еще упомянут этнографический отдел Словацкого краеведческого музея в Братиславе. Этнографический материал в экспозиции и в фондах (депозитарий) этого музея пока еще невелик, но здесь ведется важная и ценная работа по собиранию этнографических коллекций. Музей получает для этой цели ежегодно значительные средства.

Мы не имеем возможности в настоящей статье сказать об этнографических отделах таких больших краеведческих музеев как в г. Пильзене или г. Клатовы, где в силу трудного положения со штатами и с финансированием этнографическая работа весьма запущена.

Мы не останавливаемся также на некоторых более мелких, но очень интересных этнографических отделах (например, в музее г. Домажлице, где сохранились экспонаты, собранные для этнографической выставки 1895 г. в Праге), так как этому сюжету тоже будет отведено место в специальной статье. Там мы попытаемся охарактеризовать и общее положение этнографических музеев и этнографических отделов в краеведческих музеях, которое, кстати сказать, нельзя признать удовлетворительным.

Мы должны отметить еще, что во время поездки нам удалось при содействии некоторых местных ученых получить обширную библиографию по материальной культуре чешского и словацкого народов. Кроме того, мною по просьбе некоторых научных учреждений и отдельных ученых был прочитан ряд лекций и докладов в Праге (на историко-философском факультете Карлова университета, в Обществе по распространению научных и культурных знаний и в Институте востоковедения Чехословацкой академии наук).

Во время нашего пребывания в Чехословакии мы систематически давали консультации научным работникам по вопросам методики и организации этнографических исследований, по музейному делу. Однако и мы сами широко пользовались различными консультациями и советами ученых Чехословакии. Мы с чувством большой признательности отмечаем, что выполнением возложенных на нас поручений мы обязаны прежде всего внимательному и дружескому отношению к нам со стороны руководителей и сотрудников тех научных учреждений, с которыми нам приходилось иметь дело. Стремление к тесному сотрудничеству с советскими научными учреждениями и отдельными учеными со стороны работников науки Чехословакии выступает весьма ярко. Развивающееся сотрудничество между этнографическими научными учреждениями СССР и Чехословакии несомненно является ценным вкладом в дело укрепления научно-культурных связей между нашими странами.

Л. П. Потапов

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ФЕДЕРАТИВНОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЮГОСЛАВИИ

ХОРВАТИЯ

В предыдущем очерке¹ мы останавливались на основных чертах этнографической работы в Сербии. Настоящая информация имеет целью ознакомить советского читателя с основными направлениями этнографической работы в послевоенные годы на территории другой республики Югославии — Хорватии².

Хорватия до второй мировой войны располагала значительными этнографическими центрами в составе Югославской академии наук и искусств, Загребского университета, крупнейших музеев. Все они относительно мало пострадали во время войны, что дало им возможность частично продолжать свою работу и в военные годы, публикуя собранные до войны материалы. Этнографический музей в Загребе опубликовал тт. 3 и 4

¹ «Советская этнография», 1956, № 1.

² Работы хорватских ученых, опубликованные в других республиках Югославии, будут освещены в очерках, посвященных этнографической работе соответствующей республики.

серии «Этнографические исследования и материалы»³ и коллекцию хорватских народных орнаментов⁴, Югославской академией наук и искусств был издан т. 3 «Сборника хорватских народных песен»⁵, включающий старые народные мелодии Далмации. Матица хорватская в Загребе выпустила т. 10 «Собрания народных хорватских песен», в который вошли мусульманские гаремные песни и песни придунайских славянских областей⁶. Необходимо также отметить издание «Хорватской энциклопедии», содержащей большое количество научного и иллюстративного материала по этнографии балканских народов, в частности хорват⁷.

По окончании войны в республике стала восстанавливаться всесторонняя этнографическая работа. Этнографические центры получили возможность собрать кадры этнографов, возобновить прерванный войной сбор полевых материалов.

В 1953 г. в составе Югославской академии наук и искусств в Загребе (на базе существовавшей ранее Секции народной жизни и обычаев) был создан Институт этнографии, призванный стать руководящим этнографическим центром республики. Институт имеет четыре секции, соответствующие основным направлениям этнографической работы в республике: этнологическую, этнографическую, музыкального фольклора и антропогеографическую.

В настоящее время Институтом проводится систематическая работа по описанию содержания богатой коллекции этнографических рукописей архива быв. Отделения фольклора и антропогеографии и по учету историко-этнографического материала из различных опубликованных источников и местных архивов.

Институт ведет полевые исследования в отдельных областях республики, в частности на территории Истрии и Далмации. Антропогеографическая секция проводит работу на территории Задарского отока, Славонского Брода. Секция музыкального фольклора осуществляет сбор произведений народного творчества, в частности эпических песен, на территории Славонии, Бачки, подравских районов. Сотрудники этнографической секции практикуют монографическое изучение отдельных сел. В 1952—1954 гг. проводились полевые исследования в селах Истрии; собран материал о задружных семьях, сельской архитектуре, народном орнаменте, ремесленном производстве, духовной культуре.

Результаты полевых и архивных исследований сотрудников Института публикуются на страницах возобновленного Югославской академией наук и искусств «Сборника народной жизни и обычаев южных славян»⁸ под редакцией известных хорватских этнографов Милована Гавazzi и Драгутина Боранича, а также в «Трудах Института Югославской академии наук и искусств» в Загре⁹. Кроме того, предполагается приступить к изданию серии «Monumenta ethnographica».

Помимо Института этнографии этнографическая работа в Хорватии в настоящее время проводится на этнологическом семинаре Загребского университета и в этнографическом музее Загреба. Сотрудники семинара публикуют свои исследования в «Сборнике трудов философского факультета Университета»¹⁰.

На территории входящих в состав ФНРЮ народных республик Хорватии и Славонии этнографическая работа концентрируется в Государственном археологическом музее города Сплита¹¹ и Музее Славонии в г. Осек. В составе последнего в 1953 г. основано специальное этнографическое отделение, проводящее этнографические исследования и сбор экспонатов на территории Славонии. Результаты исследований публикуются в «Осечском сборнике»¹².

Ниже мы остановимся на характеристике основных этнографических публикаций, появившихся в последние годы на страницах указанных изданий.

Одним из важных направлений в работе хорватских этнографов является изучение вопросов этногенеза хорватского народа и населения отдельных районов республики. В исследованиях по этой проблеме используется архивный материал и широко применяется метод научного картографирования отдельных элементов материальной культуры.

Б. Братанич, основываясь на данных о распространении славянских сельскохозяйственных орудий, ставит, а частично и разрешает, проблему переселения южных славян на Балканы¹³.

³ «Etnografski istraživanja i građa», Zagreb, t. 3, 1941; t. 4, 1942.

⁴ «Zbirka hrvatskih narodnih ornamenata», sv. 1—6, Zagreb, 1941.

⁵ «Zbornik hrvatskih narodnih pjesmaka», t. 3, Zagreb, 1942.

⁶ «Zbornik hrvatskih narodnih pjesma», knj. 10, Zagreb, 1944.

⁷ «Hrvatska enciklopedija», t. 1—5, Zagreb, 1941—1945.

⁸ «Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena», knj. 33—38, Zagreb, 1949—1954.

⁹ «Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru», sv. 1, 1953; sv. 2, 1955.

¹⁰ «Zbornik radova Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu», knj. 1—3, 1951—1955.

¹¹ «Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku», sv. 52, Split, 1935—1940; sv. 53, 1950—1951; sv. 54, 1952.

¹² «Osječki zbornik», br. 1—4, Osijek, 1942—1954.

¹³ Б. Братанич, Уз проблем доселjenja južnih slavena. Nekoliko etnografsko-leksičkih činjenica, «Zbornik radova Filozofskog fakulteta Sveučilišta», t. 1, Zagreb, 1951, стр. 221—250.

Прослеживая путем картографирования современное распространение двух типов рала у южных славян и двух различных традиций в употреблении пахотных орудий, автор приходит к выводу о двукратном переселении славянских племен на Балканы, в частности на территорию будущих хорватских земель. Особенно четко, как отмечает автор, граница распространения рала центрального типа проходит на западе Балканского полуострова. Данный тип рала встречается только на Балканах и отсутствует в соседних землях, в то время как отдельные характерные особенности его встречаются в конструкции сельскохозяйственных орудий восточных и западных славян. Названия обоих типов южнославянского рала — славянские. Автор приходит к выводу о том, что славянская группа населения, среди которого в настоящее время бытует рало, центрального типа, по своему происхождению — позднейшая на Балканах; своим приходом на полуостров она разделила старое славянское население на территории от Адриатики до Черного моря, пользовавшееся ралом второго типа, на две части.

Расселение потомков первой, древнейшей волны переселенцев в настоящее время совпадает в основном с распространением чаковского диалекта; расселение второй волны — с распространением штоковско-екавского диалекта.

Умело используя метод картографирования материала, сопоставляя этнографические, исторические и лингвистические данные, Братанич опровергает высказанное некогда В. Ягичем предположение об однократном переселении славян на Балканы. Выступая против одного из основных аргументов Ягича об отсутствии резкой грани между отдельными диалектами на территории Балкан, автор объясняет их миграцией населения в эпоху турецкого завоевания.

Намечая в своей статье на примере распространения одного элемента материальной культуры основные методические установки в разрешении проблем этногенеза, автор ставит перед хорватскими учеными вопрос о необходимости этногенетических исследований хорватского населения, исходя из основного положения о двукратном переселении славян в западные и северные хорватские земли.

Во второй статье¹⁴ Б. Братанича рассматривается вопрос о распространении сельскохозяйственных орудий у славян, как часть общей проблемы этногенеза славянских народов. Автор в свете новых археологических, этнографических и лингвистических данных подвергает критике некоторые положения Нидерле о происхождении плуга у славян, в частности его предположение о заимствовании варварскими народами плуга у римлян. Терминология, связанная с плугом, как указывает автор, служит доказательством славянского происхождения современного типа плуга славянских народов, возникшего в районе степей и полустепей европейской равнины. К указанной статье Братанича, так же как и к предыдущей, приложен обширный картографический материал.

И. Цвинч, исследуя метанастатические движения населения на территории Балкан, отмечал наличие переселенческих волн в Славонию, Хорватию, Бачку и Баранью из Боснии, Герцеговины, Рашки, Черногории. Баранья в прошлом составляла часть венгерской жупании и только в 1921 г. вошла в состав Югославии. Из 34 населенных пунктов на ее территории 10 заселены хорватами, 6 — сербами, остальные — венграми и немцами.

Д. Пинтерович, находясь в составе экспедиции Музея Славонии в 1947—1949 гг., обследовал наиболее интересную группу хорватского населения Бараньи, так называемых шоццев, стойко сохраняющих свои этнические черты в одежде, обычаях, мелодиях, несмотря на быстрое проникновение в их села городской культуры. Предварительные результаты его исследований были опубликованы в «Осечском сборнике» за 1954 г.¹⁵

Хорватское население Бараньи, как отмечает автор, делится на подунайскую и подравскую группы, первая из которых по происхождению, обычаям, материальной культуре близка хорватам Мохала, вторая — соседнему венгерскому населению. Основная часть статьи посвящена описанию занятий населения в прошлом и в настоящее время, планировки сел, жилых и хозяйственных построек, форм семьи. В статье содержится ряд интересных наблюдений. Так, например, отмечая исчезновение в наше время национального костюма, автор объясняет это явление не только влиянием городской культуры, но и уменьшением удельного веса овцеводства (служившего основным источником сырья для производства национальной одежды) в хозяйстве местного населения.

На территории Бараньи в настоящее время задружные семьи встречаются единицами. Однако об их распространении в прошлом свидетельствует внутренняя планировка местного хорватского дома. Большой интерес представляет описание автором своеобразной планировки сел, заселенных родственными группами патронимического характера. Такие села, скученные вдоль дороги, представляют собой одну линию соседних дворов, соединенных внутренними проходами, что дает возможность пройти все село, не выходя на дорогу. Автор совершенно справедливо объясняет это своеобразие планировки как результат раздела больших семей.

¹⁴ B. Bratanić. Nešto o starosti pluga kod slavena. Uspomeni Lubora Niederle (1865—1944), «Zbornik radova Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu», knj. 2, Zagreb, 1954, стр. 277—305.

¹⁵ D. Pinterović. Etnografske karakteristike hrvatskih sela u Baranji (Prethodni izvještaj), «Osječki zbornik», br. 4, Osječ, 1954, стр. 75—90.

Окончательные выводы автора сводятся к констатации сохранения, несмотря на венгерское влияние, славянской специфики местного населения и выделению трех основных исторических фаз в развитии сел до второй мировой войны: освобождение от власти турок, революция 1848 г., создание югославского государства в 1918 г.

А. Ютронич предметом своего исследования избрал население отока Брач, находящегося в центре Адриатического приморья¹⁶. Используя данные церковных метрических книг отдельных жупаний, автор приходит к выводу, что основная масса населения отока Брача происходит из Хорватии и Дубровницко-Которского приморья. Метрические книги, по заключению автора, вообще могут служить источником для изучения миграций славянского населения Балкан.

За послевоенные годы сотрудниками Югославской академии наук опубликован ряд антропогеографических исследований. В большинстве они не выходят за пределы традиционных монографических описаний определенного района. Первая часть таких исследований обычно посвящена выяснению происхождения населения отдельных сел района по местным преданиям, памятникам старины; вторая — описанию занятий населения, образа жизни, материальной культуры.

Однако после войны намечается новая тенденция в антропогеографических исследованиях, отчетливо проявившаяся, в частности, в работе И. Рубича¹⁷, посвященной Славонскому и Боснийскому Броду на территории Посавья, одной из важнейших областей Югославии.

В силу исторических условий Бродское Посавье многие десятилетия делилось на две провинции с самостоятельными экономическими центрами — Славонским и Боснийским Бродом, одна из которых входила в состав Славонии, другая — Боснии. Географически названные области составляют единое целое.

В статье Рубича на основе анализа обширного статистического материала и литературных источников за 1780—1953 гг. показана общность экономики и культуры этих областей.

Антропогеографические исследования данного рода не носят оторванного от жизни теоретического характера. Так, И. Рубич в результате своих исследований приходит к выводу о единстве исследуемой территории и необходимости слияния двух исторических областей в единую административную единицу с общим индустриальным центром. Статья сопровождается рядом статистических таблиц и планом предполагаемого нового индустриального центра.

За последние годы в «Сборнике народной жизни и обычаев южных славян» был опубликован ряд этнографических материалов о занятиях и обычаях населения отдельных районов Хорватии, издание которых задержалось в связи с войной¹⁸. Приводимые в них сведения относятся к началу текущего столетия и служат продолжением опубликованных ранее в «Сборнике» материалов.

Большое место в работе хорватских этнографов отводится изучению материальной культуры народа, в частности жилища.

Изучение народного жилища проводится в широком историческом плане с привлечением, наряду с этнографическими, археологическими и архивных данных. А. Мохоровичичем проводится изучение архитектуры на территории Кварнера и Истрии¹⁹. Собранный материал дал возможность автору сделать предварительные выводы о развитии форм жилой архитектуры на исследуемой территории от древности до наших дней в связи с этногенезом населения данной территории и общим уровнем материальной культуры.

И. Перич на обширном архивном материале прослеживает эволюцию жилой архитектуры одного из далматинских городов с конца XI по XVIII в.²⁰ Положительным моментом исследования является анализ, наряду с домами, которые принадлежали зажиточным слоям далматинского общества и подверглись сильному венецианскому влиянию, жилых домов трудящегося населения. Последние сохраняли в основном национальные хорватские черты, знакомство с которыми дает представление о сельской архитектуре того времени.

Большой интерес в данной статье представляет анализ документов местных архивов. Так, автору удалось установить факт преобладания до конца XIV в. деревянной архитектуры. В 1408 г. вече приняло постановление, ограничившее постройку деревянных зданий; с этого момента наблюдается переход к каменному строительству.

¹⁶ A. Jutronic, Prilog poznavanju veza bračana s drugim otočanima i primorcima, «Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena», knj. 36, Zagreb, 1953, стр. 111—130.

¹⁷ I. Rubić, Slavonici i bosanski Brod, Antropogeografski istraživanja, «Zbornik za narodni život...», knj. 36, 1953, стр. 5—111.

¹⁸ A. Bortulin, Beli (Otok Cres), «Zbornik za narodni život...», knj. 33, 1949, стр. 75—124; F. Lovljanov, Boljun (Istra), Там же, стр. 125—133; I. Žic, Vrbnik (Otok Krk), Там же, стр. 5—74.

¹⁹ A. Mohorovičić, Analiza razvoja pučkih nastamba na otočnoj skupini Lošinj — Gres, «Ljetopis Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», knj. 60, Zagreb, 1955, стр. 387—399.

²⁰ J. Perić, Kuća u Šibeniku od najstarijih vremena do konca XVIII stoljeća, «Radovi Instituta Jugoslovenske akademije znanosti u Zadru», sv. 2, 1955, стр. 233—269.

Д. Сабашош посвятил свою статью изучению горных построек пастухов в долине Врата²¹, отличных во многом от аналогичных построек Юлийских Альп. Наряду с данными о жилых и хозяйственных постройках, часть которых относится к концу XVIII в., автор приводит много интересных данных об эволюции горного животноводческого хозяйства.

В полевых исследованиях сотрудников Югославской академии значительное место отводится изучению кустарных промыслов.

Х. Крешевлjakович опубликовал продолжение начатой им еще до войны работы по изучению цехового устройства в городах Боснии и Герцеговины²². Мостар — промышленный и торговый центр Герцоговины, товары его производства еще в XVI в. вывозились за пределы боснийского санджака. Большую роль в жизни города играли ремесленники, объединенные в цеховые организации. Используя цеховые книги XVIII в., автор дает характеристику цехового устройства и внутренней организации цехов города Мостара.

В селах отока Лопуд (Далмация), являвшегося некогда центром ткацкого ремесленного производства, сохраняются и теперь традиции народного ткачества. Ткани ремесленного производства, из которых изготовлялся национальный костюм, в настоящее время идут на изготовление городской одежды. Характеризуя современное состояние ткачества на территории отока Лопуд, О. Оштрич подробно описывает устройство ткацкого станка, процесс тканья, приемы ткацкой техники²³.

И. Рибарич исследовал суконное производство на территории Истрии²⁴. Как отмечает автор, прядение шерсти в селах Истрии проводилось домашним способом, а тканье и валяние суконных тканей — полупрофессионалами-кустарями, в связи с чем оно не носило такого примитивного характера, как в соседних районах. Валяние производилось особыми станками, приводимыми в действие силой воды и находившимися в пользовании нескольких семей села или даже нескольких сел. По данным 1950—1951 гг., автор дает описание устройства валяльного станка и его действия, а также карту его распространения на территории Истрии.

Указанные выше статьи о ремесленных промыслах содержат интересный материал об эволюции национального хорватского костюма.

Сотрудниками Славонского музея в их экспедиционной работе также уделялось внимание изучению домашних промыслов. Назовем, в частности, статью З. Лехнера, посвященную технологическим процессам обработки конопли и прядению тканей в бараньских селах Славонии²⁵.

М. Филипповичем опубликовано исследование об употреблении в пищу балканскими народами желудей²⁶; статья содержит большой сравнительный материал по славянам, народам Африки, Азии, а также интересные данные об употреблении желудей в культовых обрядах сербов и македонцев.

В области изучения общественных и семейных отношений у хорватов обращают на себя внимание описания широко распространенного в прошлом среди южного славянства обычая побратимства и посестримства. М. Гаваззи зафиксировал сохраняющийся еще в наши дни, наряду с различными видами кумовства, обычай побратимства, посестримства на территории северной Далмации²⁷. Первая часть исследования содержит обширный историографический материал, вторая — данные анкетного опроса и личных наблюдений автора в 1949—1951 гг.

Указанный народный обычай заключения родства, ведущий свое происхождение от эпохи родового строя, впоследствии был канонизирован церковью. В. Цвитанович приводит содержание текста молитвы «за bratostvorenje» конца X в. и ряд позднейших вариантов, а также список побратимов в Задарском отоке по данным, собранным в последние годы второй мировой войны²⁸.

Средневековый обычай избрания «сельских королей» в Далмации, бытовавший до конца XIX в., характеризуется в другой статье В. Цвитановича²⁹. Наряду со сведе-

²¹ D. Sabadoš, Stočarske i mljekarske zgrade planinskih stanova u dolini Vrata (Juljske Alpe). «Zbornik za narodni život...», knj. 37, 1953, стр. 5—16.

²² H. Kreševljaković, Esnafi i obrti u Bosni i Hercegovini (1463—1878), «Zbornik za narodni život...», knj. 35, 1951, стр. 61—138.

²³ O. Oštrić, Tkanje i tkalačke sprave na otoku Lopudu, «Zbornik za narodni život...», knj. 37, 1953, стр. 39—58.

²⁴ J. Ribarić, Stupe i stupanje sukna u Istri, «Zbornik za narodni život...», knj. 37, 1953, стр. 69—79.

²⁵ Z. Lechner, Obrada kudjelje u baranjskim selima, «Osječki zbornik», br. 4. Osijek, 1954, стр. 91—104.

²⁶ M. Filipović, Žir u ishrani balkanskih naroda, «Zbornik za narodni život...», knj. 37, 1953, стр. 17—38.

²⁷ M. Gavazzi, Vitalnost običaja pobratimstva i posestrimstva u sjevernoj Dalmaciji, «Radovi Instituta Jugoslavenske akademije... u Zadru», sv. 2, Zagreb, 1955, стр. 17—34.

²⁸ V. Cvitanović, O običaju pobratimstva — posestrimstva na otoku Ižu (kod Zadra) i okolnim otocima, «Radovi Instituta Jugoslavenske akademije... u Zadru», sv. 2, 1955, стр. 375—385.

²⁹ V. Cvitanović, Dva priloga o «biranju kraljeva» u Dalmaciji, «Zbornik za narodni život...», knj. 35, 1951, стр. 29—60.

ниями информаторов, еще сохранивших в памяти данный обычай, автор приводит свидетельства исторического источника — кодекса Мадрикула за 1730—1848 гг.

Большое внимание уделяют хорватские этнографы публикации источников по истории этнографии, содержащих ценные материалы о народной жизни и обычаях хорватов. М. Стойковичем опубликованы выдержки из ряда хорватских и иностранных источников XVI—XIX вв.³⁰ И. Гршковичем и В. Стефаничем издана рукопись мемуарного характера, написанная общинным судьей на территории Врбника в 1853—1858 гг.³¹ Рукопись содержит описание общинного самоуправления на территории Далмации в период венецианского, австрийского и французского господства. Являясь поборником народной старины, автор рукописи подробно описывает исторические памятники города и окрестностей, народную жизнь, занятия населения, обычаи, народные игры.

Совместно с искусствоведами хорватские этнографы ведут работу по записи и опубликованию произведений народного творчества, в частности музыкального фольклора.³²

В заключение считаем необходимым указать на изданный Югославской академией наук и искусств фундаментальный двухтомный труд покойного профессора Матия Мурка³³. Эта книга содержит не только описание путешествий, совершенных автором в 1930—1932 гг., но и серьезные теоретические обобщения по основным проблемам сербско-хорватского народного эпоса. Огромный интерес представляет второй том работы Мурка, содержащий обширный фотографический материал, который является своеобразной энциклопедией народного быта.

И. А. Калоева

³⁰ M. Stojković, Historijski prilozi etnografiji hrvata, «Zbornik za narodni život...», knj. 37, 1953, стр. 251—269.

³¹ I. Gršković, V. Stefanic, «Nike uspomene starinske» Josipa Antuna Petriša (1787—1868), «Zbornik za narodni život...», knj. 37, 1953, стр. 81—144.

³² S. Banović, Dva priloga poznavanju historijskih liga naše narodne epike, «Zbornik za narodni život...», knj. 37, 1953, стр. 205—240. S. Banović, Motivi iz Odiseje u Hrvatskoj narodnoj pjesme iz Makarskog primorja, Там же, knj. 35, 1951, стр. 139—244; M. Gavazzi, Dva motiva iz narodne poezje gradišćanskih hrvata, «Zbornik radova Filozofskog fakulteta Sveučilišta», sv. 1, Zagreb, 1951, стр. 203—220; N. Karabaić, Zapisivačeva razmišljanja o narodnim popijevkama Istre i otoka Krka, «Lje topis Jugoslovenske akademije znanosti i umjetnosti», knj. 60, 1955, стр. 370—377; V. Zganec, Sakupljanje muzičkog folklora u Bačkoj, Prekmurju, na Krku, u Slavoniji, там же, стр. 364—366; V. Zganec, Narodne popijevke Hrvatskog Zagorja, sv. 1, Napjevi, Zagreb, 1950; sv. 2, Tekstovi, Zagreb, 1952.

³³ M. Murko, Tragom srpsko-hrvatske narodne epike, Putovanja u godinama 1930—1932, knj. 1—2, Zagreb, 1951.